

УДК 808.2

**Библейские антропонимы как прецедентные имена,
подвергшиеся апеллятивизации: синонимический аспект**

Анна Аркадьевна Кудрявцева

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Российская Федерация
400131, проспект Ленина, 27
Кандидат филологических наук, доцент
E-mail: a_kudriavtseva@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются библейские антропонимы, перешедшие в имена нарицательные. Выявлено, что данные единицы выступают по отношению к соответствующим апеллятивам в качестве стилистических синонимов, а также выполняют в речи две функции: декоративную и эвфемистическую. (Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 13-04-00381 «Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов»).

Ключевые слова: апеллятивизация; антропоним; прономинация; интертекстуальность; синонимия.

Введение. В последние годы в отечественной лингвистике существенно возросло количество работ, посвященных прецедентным именам, а также проблеме семантической структуры имени собственного, некоторые компоненты которой позволяют ему переходить в разряд нарицательных имен существительных. Эта проблема затрагивается в трудах А.В. Аксеновой, И.Ф. Габдуллиной, М.В. Голомидовой, Д.Б. Гудкова, Е.В. Кравченко, В.А. Лукина, В.П. Москвина, Е.А. Нахимовой, Е.С. Отина, И.Э. Ратниковой, О.В. Фроловой, Т.В. Хвесько и др.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили библейские антропонимы, используемые в нарицательном значении в различных сферах, а именно в художественной, публицистической и письменной разговорной речи. При определении ядерной части значения прономинанта используются компонентный и контекстуальный анализ, при определении соотношения прономинанта и доминанты синонимического ряда используются компонентный и сочетаемостный анализ, при построении синонимических рядов применяется прием субституции.

Обсуждение. Как справедливо отмечает И.А. Кондакова, «в сфере обозначения отонимических единиц и переходных структур пока отсутствует единая терминология» [1]. Действительно, в работах отечественных лингвистов, посвященных переходу имен собственных (онимов) в имена нарицательные (апеллятивы), мы встречаем как различные обозначения данного процесса (апеллятивизация, апеллятивация, деонимизация), так и разнообразные наименования онимов, способных переходить в имена нарицательные (прецедентные онимы, реминисцентные онимы, аллюзивные онимы). Что касается образующихся в результате процесса апеллятивизации единиц, то их чаще всего именуют апеллятивизированными именами собственными.

Нам представляется правомерным именовать апеллятивизированные единицы *прономинантами*, поскольку они образуются на основе стилистического приема прономинации – «замены нарицательного имени собственным (или наоборот), например: *Отелло* вместо *ревнивец*» [2]. Поясним введенный нами термин на примере слова *Немезида*.

Оним *Немезида* – имя богини возмездия в древнегреческой мифологии. В художественной и публицистической речи данный оним становится синонимом апеллятива *возмездие*. Приведем примеры. *Но страшна была и немезида: бабушка пережила всех дорогих – и мужа, и дочь, и внука, и угасла одна в 85 лет, оплакивая Михаила Юрьевича так, что веки ее от слез ослабели и сами закрывали глаза, которым не суждено было видеть дорогие черты* (П.А. Висковатый (Висковатов). Жизнь и творчество М.Ю. Лермонтова. 1891) – ср.: *но страшно было и возмездие*; субституция показывает взаимозаменяемость анализируемых слов. *Ведь, конечно, наша попытка окончится провалом, и нас ждет суровая расправа... Это Немезида... Мы заварили кашу и нам же следует ее расхлебывать...* (Г.А. Соломон (Исецкий). Среди красных вождей. 1930)

– ср.: *нас ждет суровая расправа... Это возмездие.* В данных примерах *Немезида* – прономинант. Таким образом, прономинант – это семантический дериват, произведенный от онима.

Заметим, что в качестве лексической основы стилистического приема прономинации может выступать не любой оним, а только прецедентное имя [3]. Мы разделяем точку зрения, согласно которой использование в тексте прецедентных апеллятивизированных единиц рассматривается как одно из проявлений феномена интертекстуальности [4].

Прием прономинации является по своему предназначению способом создания экспрессивных синонимов к «обычным словам» [5], то есть к словам, нейтральным в оценочном и стилистическом планах. Вступая в синонимические отношения с апеллятивами, прономинанты образуют синонимические пары или пополняют синонимические ряды. Нам выявлено, что апеллятивизированные единицы способны выступать в качестве синонимов четырех типов: стилистических, семантико-стилистических, семантических и оценочно-стилистических [6].

Текст Библии, сам по себе являющийся прецедентным [7; 8], послужил источником и ряда онимов, в силу своей общеизвестности перешедших в имена нарицательные. Есть мнение, что «имя собственное, принадлежащее персонажу Книги Книг, отличается от всех остальных тем, что само по себе уже является символом определенных качеств человека или маркером происходивших событий» [9], однако, по нашим наблюдениям, перешло в имена нарицательные и вступило в синонимические отношения с соответствующими апеллятивами небольшое количество библейских антропонимов. Именно эти прономинанты и являются объектом исследования в данной статье.

Рассмотрим синонимические пары и ряды, которые дополнились либо образовались при участии прономинантов, образованных от библейских антропонимов.

Прономинант *Мафусаил* используется в качестве синонима слова *долгожитель* (*Мафусаил* – один из праотцов человечества, прославившийся своим долголетием: он прожил 969 лет. Старейший человек, чей возраст указан в Библии). Данная единица отмечена в различных сферах.

Так, в стихотворении «Итоги» (1908) А.М. Жемчужников пишет: *А между тем ведь я, почти Мафусаил, / Того, что сделать мог, живя, не совершил...* Нам представляется правомерной субституция *я, почти долгожитель*, поскольку в момент написания текста поэту было 87 лет.

Приведем пример из художественной прозы. – *Мадам очень красива, – сказал Войцеховский. – Мадам очень невесела, но очень красива. – Вот еще! – ответила Алевтина. – Я же старушка, господин директор! – Старушка! – воскликнул Войцеховский. – мадам, это даже больно слышать. Тогда кто, по-вашему, я? <...> – Если мадам старушка, то я Мафусаил, – сверкая белыми зубами, произнес шеф-директор (Ю.П. Герман. Дорогой мой человек. 1958).* В шутовском диалоге герой, будучи на несколько лет старше героини, называет себя *Мафусаилом*, используя антонимическое противопоставление *старушка – Мафусаил* (ср.: *если мадам старушка, то я долгожитель*).

Прономинант *Мафусаил* зафиксирован и в публицистике – как современной, так и начала 20 в. Приведем примеры: *В Александровке, Екатеринославской губ., проживает современный Мафусаил – кр. Зубенко, которому, по его словам, исполнилось 108 лет от рождения* (газета «Новое время», 16.06.1909; заметка «Редкое долголетие»); *Хвостатый Мафусаил скончался в возрасте 4 лет 11 месяцев и 3 недель – это эквивалентно 180-200 годам человеческой жизни. Почему один из многих лабораторных грызунов отказался стареть и умирать в положенный срок, было непонятно* (Комсомольская правда, 20.01.2003). Ср.: *хвостатый долгожитель*; семантика единицы выявляется из контекста. *Доне 87 [лет], она преподавала английскую литературу в университете, у нее большая семья и много друзей. «Это [смерть] запретная тема, – говорит она, – я ни с кем не могу говорить об этом. Дети несут всякую чепуху, как будто действительно верят, что я буду таким Мафусаилом в юбке. И сердятся, а я чувствую себя виноватой»* [10]. Семантика прономинанта выявляется из контекста.

Следует упомянуть также использование данной единицы в письменной разговорной речи. Так, в блоге (личном интернет-дневнике) прономинант *Мафусаил* используется применительно к домашнему животному: *Давидочка [мальчик] вспомнил, что крысенька черная родилась где-то в ноябре. Крысенька у нас Мафусаил – ему три года, хотя средняя*

продолжительность жизни у них – два. И Давидочка объявил, что сегодня у крысы день рождения. Собирается звать гостей (пользователь shapira, <http://shapira.livejournal.com/762121.html>, 11.11.2013). Семантика прономинанта выявляется из контекста (ср.: *Крысенька у нас долгожитель – ему три года, хотя средняя продолжительность жизни у них – два*).

Проведенный анализ, как нам представляется, позволяет говорить о том, что прономинат *Мафусаил* является стилистическим синонимом по отношению к стилистически нейтральному слову *долгожитель*, так как используется преимущественно в художественной и публицистической речи и не может быть употреблен в официально-деловой сфере.

Также отмечено синонимическое сближение анализируемой единицы со словом *старик*: *О, это упоительное зрелище: начнет перекидываться снегом всякая шпана, вроде нас, а там пошло-поехало, и в конце концов убеленные сединами и осиянные лысынами начинают мальчишничать. Кинет такой Мафусаил, а потом его по инерции за снежком так и поведет...* (Рейн Карасте. Письма заложникам // «Звезда», № 1, 2002) – ср.: *старики начинают мальчишничать*. В описании людей, названных *Мафусаилами*, присутствуют внешние признаки, присущие старшему возрасту (*убеленные сединами и осиянные лысынами*). В данном случае слова *Мафусаил* и *старик* также являются стилистическими синонимами.

Прономинант *Магдалина* пополнил синонимический ряд *куртизанка, проститутка* (*Магдалина* (*Мария Магдалина*) – евангельский персонаж, блудница, прощенная Иисусом Христом).

Приведем примеры использования данной единицы. Она встречается преимущественно в художественной прозе 19 в.: *Вот бы твоя Магдалина послушала его [проповедника Кизветера]; она бы обратилась, – сказала графиня. – А ты непременно будь дома вечером. Ты услышишь его. Это удивительный человек.* (Л.Н. Толстой. Воскресение. 1899; *Магдалиной* названа героиня романа Катюша Маслова, которая была проституткой); *Маевский даже не позаботился о том, чтобы дать своей дочери порядочное образование. Какая-то кающаяся Магдалина из легитимисток с сильной склонностью к ханжеству, лишенная всех средств даже и при помощи румян и белил для добывания денег, согласилась занять за скудную плату место гувернантки при дочери Маевского* (А.К. Шеллер-Михайлов. Лес рубят – щепки летят. 1871). В данном примере о роде прежних занятий гувернантки, поименованной *Магдалиной* (отметим, что он сохраняет эпитет *кающаяся*, что усиливает связь с прецедентным текстом), говорится иносказательно: *лишенная всех средств даже и при помощи румян и белил для добывания денег*.

Единичный случай использования анализируемой единицы отмечен и в современной прозе, однако *Магдалиной* названа не профессиональная куртизанка, а девушка, отличающаяся свободным поведением: *Жоз, оценив ситуацию и поняв, что Соня, эта Магдалина сих мест, выходит из-под его контроля, нашел мудрое решение, которое одобрил и я. Как окончательный приговор, не подлежащий обжалованию, Жоз протянул мне в отблесках костра стакан водки, и я мужественно, как Сократ цикуту, выпил ее и погрузился в блаженство... Кто-то тряс меня – наверное, Соня... Потом, потом!* (В.Г. Попов. Ужас победы. 2000).

Прономинант *Соломон* используется в двух значениях – в качестве синонима слова *мудрец* и в качестве синонима слова *судья* (*Соломон* – библейский царь, отличавшийся необыкновенной мудростью и творивший только справедливый суд).

Рассмотрим прономинант, образующий синонимическую пару *Соломон- мудрец*. Данная единица встречается в поэзии 19 в. и художественной прозе 19-20 вв., например: *Он прав! Наш друг Мартыши не Соломон, / Но Соломонов сын; / Не мудр, как царь Шалима, но умен, / Умней, чем жидовин. / Тот храм воздвиг – и стал известен всем / Гаремом и судом, / А этот – храм, и суд, и свой гарем / Несет в себе самом* (М.Ю. Лермонтов. Экспромты 1941 года). Здесь необходимо разъяснить, что «по сообщению П.К. Мартыанова, эпиграмма произнесена в ответ на чьи-то слова о Мартынове: «Ну что вы хотите, господа, ведь он не Соломон же у нас». Мартынова звали Николай Соломонович». Шалим (Солим) – одно из библейских названий Иерусалима» [11]; *О, солнце мудрости! О, русский Соломон! Слава и долгоденствие тебе!* (Ф.В. Булгарин. Димитрий Самозванец. 1830); *Хотя Нечаев [обер-прокурор] был далеко не Соломон ни в каком отношении, однако дошло до того, что его и с Соломоном сравнивали.* (Н.С. Лесков. Борьба за преобладание. 1820–1840) – ср.: *был далеко не мудрец ни в каком отношении; Частицу вашей мудрости*

– вот чего я желаю! Вы, дядюшка, второй Соломон! (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы. 1883); В такой ситуации и при таком количестве нюансов и настоящий Соломон свихнул бы мозги набекрень (В.В. Конецкий. Вчерашние заботы. 1979) – ср.: при таком количестве нюансов и настоящий мудрец свихнул бы мозги набекрень.

Перейдем к анализу прономинанта, образующий синонимическую пару *Соломон – судья*. Данная единица встречается художественной прозе: *А кроме того, у меня сегодня третейский суд... как я решу, так и будет!* – Соломон! – Соломон не Соломон, а тысячу рублей за решение пожалуйста! (М.Е. Салтыков-Щедрин. Современная идиллия. 1877–1883); *Святослав, увидев брата и зная, что он занимался судебными делами, по своей склонности к книжным выражениям, воскликнул с громогласным смехом: – Се грядет новый Соломон! – Здравствуй, брат, – сказал Всеволод* (А.П. Ладинский. Анна Ярославна -- королева Франции. 1960). Отмечаем анализируемый прономинант и в публицистике – как начала 20 в., так и современной. Так, заметка в газете, озаглавленная *Новый Соломон* рассказывает о жалобе крестьян: *Крестьяне пожаловались земскому начальнику. Тот, как передает «Ц.М.», рассудил так: «А кто из вас пил первую рюмку: ты или староста?» Крестьянин отвечал: «Как, значит, моя водка, то, стало быть, первый я и пил», У нас так ведется: кто наливает, тот и «запивает», а он, значит, «опивает!»*. Земский начальник вынес решение: «Ну вот тот и виноват, кто запивает, а не тот, кто опивает» («Московская газета копейка», 1912; цит. по portalу «Газетные старости», <http://starosti.ru/archive.php?m=7&y=1912>, дата обращения 11.06.2013; семантика прономинанта выявляется из контекста); Могу несколько слов сказать о качестве судебных телешоу. С этой точки зрения предпочтительнее, на мой взгляд, выглядит «Час суда» на РЕН-ТВ. Мне нравится и та его часть, которую ведет г-жа Дмитриева – мягко, естественно, логично. Ну, а что касается П.Астахова, то он это делает просто блестяще. Наш царь Соломон. Это я без иронии. Он и в своем деле – дока, большой профессионал, и по актерской части демонстрирует незаурядные способности (Труд-7, 18.08.2005).

Прономинант *Каин* функционирует к качеству синонима слов *убийца* и *предатель*; данный факт отмечен в толковых словарях [12, 13]. Материалы нашей картотеки в целом подтверждают это наблюдение.

Выявлено, что более частотное использование прономинанта *Каин* в значении *убийца*. Приведем примеры.

Попереди всех старичишка в картузе стоял, так седенький, щупленький... Я его как потяну плетью, а он – копырь и упал коню под ноги... Што там было... – суживая глаза, тянул Максим. – Бабыя этого лошадыми потоптали – штук двадцать. Ребята осатанели и уж за шапки взялись...

– А ты? – хрипло спросил Степка.

– Кое-кому вложил память!

Ладони рук у Степки взмокли теплым слюнявьем потом. Стиснул кулаки, ногти вьелись в тело, и уже твердо сказал: Собака ты! Каин! (М.А. Шолохов. Червоточина. 1929); семантика единицы выявляется из контекста: один из братьев признается другому, как убивал людей. *И если, к примеру, склад с вашими товарами случайно сгорит или ночью в спальне у вас появится какой-нибудь Каин с ножичком, чтобы перерезать вам горло, вам же в голову не придет обвинять в этом полицию* (Л.А. Юзefович. Дом свиданий. 2001) – ср.: *ночью в спальне у вас появится какой-нибудь убийца с ножичком, чтобы перерезать вам горло*. В приведенных примерах прономинант отличается от апелляттива лишь стилистически.

Считаем важным отметить, что в нашей картотеке встречаются случаи использования слова *Каин* в значении *братоубийца*: *Теперь исчезла нам преграда, / Хоть лично мне Яфар злодей, / Ему был братом – мой родитель; / Он тайно брата умертвил; / Но однокровного губитель / Меня, младенца, пощадил; / И сироту – он, Каин новый! / Хотел себе поработить* (И.И. Козлов. Невеста Абидосская. Турецкая повесть лорда Байрона. 1826); *Роман выскочил из жара. – Каин проклятый! – крикнул Зинько Денису. – Брата убиваешь!* (Борис Гринченко. Среди темной ночи. 1900). В данных примерах прономинант выступает по отношению к слову *убийца* в качестве семантико-стилистического синонима: во-первых, в семантической структуре прономинанта присутствует сема «убивший брата», во-вторых, прономинант является принадлежностью художественной речи, а апелляттив имеет межстилевой характер.

Случаи употребления прономинанта *Каин* в значении *предатель* встречаются в публицистике. Так, И.А. Бунин пишет о В.И. Ленине: *Подлый предатель родины, подлый*

слуга врагов наших Каин должен быть уничтожен, как бешеная собака... раздавлен и вбит, как черви, в землю, которую он опоганил... <...> Каин России, с радостно-безумным остервенением бросивший за тридцать сребренников всю свою душу под ноги дьявола, восторжествовал полностью (И. А. Бунин. Окаянные дни. 1925) – ср.: *предатель России*. В данном примере прономинант является по отношению к доминанте стилистическим синонимом, т.к. функционирует в публицистическою речи, тогда как апеллятив имеет межстилевой характер.

Заключение. Библийские антропонимы, перешедшие в имена нарицательные, встречаются в различных сферах: в художественной, публицистической, письменной разговорной речи; данное свойство отличает их от библийских фразеологизмов, о которых исследователи говорят, что «архаичность библийских оборотов русского языка обуславливает высокую стилистическую окраску и книжную функционально-стилевую принадлежность большинства из них, в чем проявляется формальное своеобразие русской библийской фразеологии» [14].

Затрагивая функциональный аспект анализируемых единиц, следует отметить, что они чаще всего выполняют декоративную функцию. Что касается прономинанта *Магдалина*, то он, как нам представляется, выполняет в художественной речи эвфемистическую функцию, так как называет род деятельности, о котором, согласно нормам русского речевого этикета, не принято говорить прямо.

Наконец, прономинанты, образованные от библийских антропонимов, могут использоваться в качестве стилистических и семантико-стилистических синонимов соответствующих апеллятивов.

Примечания:

1. Кондакова И.А. Основные направления современных отечественных ономастических исследований // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. Т. 2. № 2. С. 105-108.
2. Квятковский А.П. Поэтический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 227.
3. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Общая и частные классификации. Терминологический словарь. М.: ЛЕНАНД, 2006. 376 с. С. 224.
4. Москвин В.П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигур, жанры, стили: монография. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 168 с. С. 117.
5. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. Учебник. М.: Аспект-Пресс, 1996. С. 66.
6. Кудрявцева А.А. Синонимический потенциал апеллятивизированных единиц // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2013. № 1. С. 40-45.
7. Орлова Н.М. Библийский текст как прецедентный феномен: дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19. Саратов, 2010. 549 с.
8. Ворожбитова А.А., Зуев М.Б. Библизмы как интертекстуальный оператор в коммуникативном пространстве Интернет // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2007. №10. С. 39–51.
9. Мжельская О.К. Библийские антропонимы как феномен предельного текстового сообщения // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2009. № 11. С. 171-176. С.171.
10. Каган В.Е. Музыка старости // Семь искусств, №9-10 (46), 2013. Электронный ресурс: http://7iskusstv.com/2013/Number9_10/Kagan1.php; дата обращения 18.03.2014.
11. Найдич Э.Э. Примечания // Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 2. Стихотворения, 1832-1841. С. 656.
12. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2000.
13. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2008. 944 с.
14. Дубровина К.Н. Энциклопедический словарь библийских фразеологизмов. М.: Флинта: Наука, 2010. 808 с. С. 6.

UDC 808.2

**Biblical Anthroponyms as Precedent Names, Exposed to Apellativation:
Synonymic Aspect**

Anna A. Kudryavtseva

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russian Federation
400131, Lenin Avenue, 27
PhD, Associate Professor
E-mail: a_kudriavtseva@mail.ru

Abstract. The work is concerned with the Biblical anthroponyms, having transferred into common nouns, detects that these units act as stylistic synonyms in relation to the relevant appellatives and fulfill two functions in speech: decorative and euphemistic. (The research was made with the support of the Grant of the Russian Foundation for the Humanities No. 13-04-00381 'Intertextuality and Figures of Intertext in Discourses of Different Types').

Keywords: apellativation; anthroponym; pronomination; intertextuality; synonymy.